

ТАЛАНТ ВЫСОЧАЙШЕЙ ПРОБЫ

Юрий Михайлович Ракша — известный советский живописец, художник кино, график. Его творческий и жизненный путь — воплощение подвижнического и вдохновенного труда, той высокой меры честности, чистоты, жизнелюбия, которые отличают подлинный талант.

Детские и юношеские годы будущего художника прошли в Уфе. Здесь, в изостудии дома культуры имени Калинина, руководимой Г. В. Огородовым, он впервые познал законы искусства. В Уфу любил он приезжать всегда, находя в родных краях, отчем доме отдохновение и вдохновение души. Получив образование в художественной школе при институте имени Сурикова в Москве, затем во ВГИКе, Ю. М. Ракша стал видным мастером советского кино. Фильмы «Время, вперед!», «Дерсу Узала», «Восхождение» принесли ему творческое удовлетворение и признание.

Самозабвенно работал Ю. Ракша в живописи, создавая такие широко известные полотна, как «Моя мама», «Современники», «Продолжение», «Разговор о будущем», «Поле Куликово» и другие. Их объединяет одна

общая тема — Отечество. Люди Отечества, его природа, будни и праздники, его сегодняшний день, будущее, история. Профессиональное мастерство художника сочетается в этих работах с глубокой правдой и человеческой мудростью. Человек был всегда главным героем произведений Ю. Ракши. Он наделен внутренней красотой, несет высокую духовность.

В собрании Башкирского художественного музея имени Нестерова находятся две работы художника. Живописное полотно «Тыл» автобиографично. Оно повествует о трудных послевоенных годах, в центре его образ матери художника. Вторая работа — графический портрет народного поэта Башкирии Героя Социалистического Труда М. Карима, исполненный в 1972 году в период, когда у художника возник замысел создания группового портрета народных поэтов М. Карима, Р. Гамзатова, К. Кулиева, Д. Кугультинова. Он стал результатом одной из тех творческих встреч, о которых пишет Мустай Карим.

Я встречаю новый день
ожиданием труда.
Ю. Ракша.

Начало осени. Погожий день. Теплынь. Нынче в Уфе деревья стоят совсем еще зеленые. Лишь с тополей изредка падают преждевременно уставшие листья, даже не успевшие совсем пожелтеть. Наверно, они за лето потрудились более других, вот и надорвались. Как люди.

Мы сидим на белых березовых бревнах около двухэтажного дома. Мы — это Валентина Михайловна и я. Она — родная сестра Юрия Ракши. На днях минуло четыре года, как этот вдохновенный мастер сорвался с дерева бытия, словно тот тополиный лист. Он так мало жил! Мы даже не успели им — живым — налюбоваться и вдоволь восхититься... Мы сидим под окном, через которое он впервые увидел свет. На этих стеклах зимой мороз выводил для него изумительные рисунки. А ведь его — мороза — никто не учил рисовать, все это он делал по своему разумению, по неведомому зову и в свой срок. Так никто не скажет, когда, зачем, для чего начал робкий, стеснительный, покоряюще красивый мальчик с умными, всегда немного виноватыми глазами дерзко перерисовывать все вокруг не так, как есть, а как виделось и казалось. Этому его еще никто не учил. Пока его сердце просто отвечало на зов природы. А о его глазах я сужу потому, что они такими были всегда. Такое остается только от детства. Он всегда считал себя в долгу перед неописуемой красотой мира, потому чувствовал себя чуть виноватым.

До его детства мне рукой подать. Он родился в 1937 году, когда я поступил в вуз. Цел еще этот двухэтажный многоквартирный деревянный дом, какие до войны построила на радость своим рабочим фабрика фабрика, где работала мать; еще не успели постареть тополя и березы вокруг, которые тогда уже были непостижимо большими; сохранился и сарайчик с голубой дверью, на которой висит тот же замок, охраняя добро нового хозяина; на дворе та же «гусиная трава». Вещи живут долго, трава — вечно.

Мне сейчас кажется, что я жил долгие годы совсем рядом с Юрием Ракшей. А в сущности

мы встречались с ним всего несколько раз. Ощущение этой близости, видимо, вызвано тем, что душа и память его не оторвались от родимой земли — от нашей общей колыбели Башкирии, мысль и талант его трудились ей во славу. Чувством сыновнего долга и признательности пронизаны его слова: «Где-то далеко теперь нестеровские дали за рекой Белой, наверно, я до конца жизни так и останусь должником перед ними, не смогу написать все желанное, дорогое сердцу. Но моя малая родина стала частью всего большого, открывшегося мне в моей жизни...»

О «нестеровских далах» Юрий Ракша говорил не раз. Это обобщенное понятие имеет конкретную основу. Высоко над Белой вздымается крутой утес, откуда открываются необозримые дали почти всех четырех сторон света. Отсюда любовался забельскими просторами Михаил Васильевич Нестеров. В часы тоски и минуты радости приходил сюда его младший современник — классик башкирской литературы Мажит Гафури, воспевающий прекрасные луга и поля, уходящие за полог горизонта. Волшебная гора коснулась и сердца мечтательного подростка. Пройдя весь город из конца в конец, он приходил на эту высоту и в ледеход, и в пору весеннего цветения, и в трескучий синий мороз. Звали его те дали во всякое время. В зрелые годы, в каждый приезд домой, посещение утеса стало для него неизбывным ритуалом, священным поклонением родной земле. Эту крутизну облюбовал Салават Юлаев и в 1967 году тут, над самым обрывом, прочно осадил своего чугунного коня. Вечная память и вечная признательность народная за это неистовому творцу, отменному скульптору Сосланбеку Тавасиеву.

«Нестеровские дали» для Юрия Михайловича были символом отчего края. В предсмертный миг, в бреду он сказал сестре: «Смотри, Валя, смотри, из стены пробился нестеровский источник! Смотри, Валя...» Это были его последние слова. Он больше ничего не произнес.

Мне думается, он не был ни прямым учеником Нестерова, ни ярким поклонником его творчества. Но его роднила со старым великим художником мужественная честность, искренность в служении ис-

кусству и верность — в помыслах и делах — своим истокам, «далям минувшего». Вот почему и мне кажется, что Юрий Ракша, пришедший в мир намного позже меня, ушедший так рано, был всегда со мной и будет до конца. Его жизнь и дело являлись не разовой вспышкой, а озарением, которое через настоящее устремлено в будущее. Можно забыть его лицо, глаза, руки, но тепло, которым тебя наделяла его душа даже при мимолетных встречах, будет всегда с тобой, будет всегда в тебе, не говоря уже о его проникновенных творениях, полных добра, сорадования и сострадания.

Есть у меня и за что корить себя. Я не всегда откликался на его желание пообщаться. Более того, в первое время я не очень вникал в суть его творчества, оттого был не совсем внимателен к нему. А ведь мне нетрудно было догадаться, что он тянется ко мне как к земляку, возможно, не только поэту. Меня утешает лишь одна мысль: могли же мы совсем разминуться, благо, этого не случилось.

Первый раз (года не помню) мы с ним встретились у него дома на Преображенке. Нас троих — Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова и меня, встретив у гостиницы «Россия», повезла туда жена художника Ирина Евгеньевна, которая была знакома с моими друзьями. В то время у Юрия Ракши, оказывается, возникла мысль написать групповой портрет четырех поэтов — нас троих и Расула Гамзатова. Поэтому Ирина и пригласила нас к себе. Мы долго сидели. Хозяйка угощала нас и занимала беседой, а Юра рисовал и рисовал... В этом радужном доме я был еще раз, позже. В Москве, в залах Академии художеств была большая выставка работ художников Башкирии. Наши, как говорится, прошли хорошо. По этому случаю Ракши позвали в гости уфимских «именинников» и своих московских друзей. Я тоже был приглашен. Застолье было щедрое, раскованное. Соблюдая наш обычай, хозяйка весь вечер почти не садилась, угощала стоя. Все время Юра держал меня под прицелом (он же задумал картину). Это меня несколько смущало. В один момент

встретившись с ним глазами, я погрозил ему пальцем. Он принял шутку и на некоторое время оставил меня в покое. Когда один подвыпивший гость сделал попытку «культурно обслужить» публику непристойными анекдотами, Юрий Михайлович вдруг растерялся, но быстро нашелся. Обращаясь к тому по имени, громко сказал:

— Говори красивый, возвышенный тост! Лучше в честь женщин! Красивого, возвышенного тоста в честь женщин тот, конечно, не произнес, зато умолк надолго.

Даже тут, во время шумного пиршества, работали творческая мысль и нравственные принципы Юрия.

Однажды в февральскую метель он приехал ко мне в Малеевку. Тогда я жил там, в доме творчества. Он был легко одет. За это я его сразу пожурил. А он улыбается: «Во мне воды мало. Я не мерзну», — говорит. До обеда он рисовал меня в моей комнате. Но, чувствую, он не в духе. Видимо, я не могу сосредоточиться и уйти в себя. Он не находит меня, мучается. После обеда меня пригласили на партию-преферанс. Я отказываюсь: «Видите же, у меня гость...» А Юра обрадовался: «Идите... Идите...» — говорит, — я пристроюсь в сторонке и буду работать». Так и сделали. Через несколько часов, вижу, лицо моего гостя просветлело. Значит, доволен.

Я проводил его в сумерках. Он ушел в метель. Голова укрыта малахаем. За плечом легкая сумка. До остановки автобуса, что на большаке, он пошел один. Вскоре между нами упал непроницаемый занавес из кружащегося снега. Оказалось, это навсегда...

Мы все еще сидим на белых березовых бревнах под окном родного дома Юрия Ракши. Я думаю о том чистом, страстном, совестливом таланте — о таланте высочайшей пробы. От этих дум мне легче и надежнее дышится под высоким ясным осенним небом. Валентина Михайловна плачет. Плачет тихо...

МУСТАЙ КАРИМ.

На снимках: работы Юрия Ракши: «Современники», «Продолжение». Фотопродюкши В. Фомина.

